

18+

ПРОТОКОЛ

РАВНОДУШИЯ

Юрий Гринько

Юрий Гринько

Протокол равнодушия

<https://litres.ru/74218689>

ISBN 9785007036245

Аннотация

Обычная операция становится началом жизни, в которой привычные вещи приходится осваивать заново. Потеря речи, проблемы со зрением, бесконечные обследования, равнодушные системы и попытка сохранить себя среди последствий, которые останутся навсегда.

«Протокол равнодушия» — личная история о врачебной ошибке и жизни после неё.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 — Жизнь (Автор)	7
Глава 2 — Он знал, что делает (Жена)	12
Глава 3 — Палата (Автор)	15
Глава 4 — Не тот стол (Автор)	21
Глава 5 — Проснулся. Слеп. Без голоса (Автор)	25
Глава 6 — Он не перезвонил (Отец)	31
Глава 7 — Мы ждали — он не говорил (Мать)	35
Глава 8 — Всё хорошо, ты просто нежный (Автор)	40
Глава 9 — Бумажная медицина (Отец)	53
Глава 10 — Выписка (Автор)	57
Глава 11 — Отправлен дальше (Автор)	63
Глава 12 — Последняя надежда (Автор)	67
Глава 13 — Когда стало ясно, что так нельзя (Автор)	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Протокол равнодушия

Юрий Гринько

© Юрий Гринько, 2026

ISBN 978-5-0070-3624-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга — не просто история болезни. Это история о том, как за один день может рухнуть привычный мир, построенный на логике и уверенности в завтрашнем дне. В апреле 2018 года я шёл на обычную, «рутинную» операцию, а очнулся в мире, где каждый вдох и каждый глоток воды стали битвой.

На этих страницах — честный рассказ о реанимации, о потере речи и зрения. Это история о долгом пути к принятию боли, которая осталась со мной навсегда. Это книга о врачах — тех, кто калечит, и тех, кто спасает.

Если вы когда-нибудь чувствовали себя беспомощным перед лицом обстоятельств, если вам говорили, что ваши страдания — это лишь ваша «неправильная» реакция, эта книга для вас.

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена, передана, опубликована или сохранена в любой форме без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат в рамках закона.

Написано на реальных событиях. Имена людей изменены. Лишь малая часть текста является художественным вымыслом, но исключительно из-за того, что за прошедшие годы часть фактов выпала из памяти.

Глава 1 — Жизнь (Автор)

Середина ноября 2017 года.

В коридоре было немногочленно. Возле каждой двери стоял обитый кожей диванчик, рассчитанный на троих, но сейчас большинство из них пустовало. Лишь кое-где сидели редкие посетители.

Попытки найти удобное положение не приносили успеха — горло не давало расслабиться. Ноющая боль при глотании стала постоянным фоном, будто кто-то невидимый сжимал шею изнутри. Каждый непроизвольный глоток отзывался резкой волной, заставляя морщиться. Температура держалась третий день: не критичная, но выматывающая, превращающая тело в тяжелый, разбитый механизм. Взгляд блуждал по сторонам в попытке отвлечься, но дискомфорт раз за разом возвращал в реальность.

Стояло холодное утро, но в помещении, где явно недавно был сделан ремонт, было комфортно. После слякоти улицы вынужденное ожидание в тепле лишь заставляло улыбнуться, представляя какие, должно быть, очереди сейчас к участковому терапевту в моей поликлинике.

Когда я заглядывал туда в последний раз? Наверное, вынужденно посещал при подготовке водительской справки года три назад, а может, военкомат вызывал меня уже после

этого.

Визиты в государственные медучреждения всегда вызывали внутреннее сопротивление: бесконечные очереди и сомнительное качество помощи внушали опасение. Прием в частном центре стоил не так уж дорого, к тому же лечащий врач был знакомым. Сегодня я был особо спокоен — компания, где я работал, оформила на меня медицинскую страховку, а значит, платить и вовсе не придется.

Кто-то когда-то посоветовал специалиста, и вот я здесь снова. В десятый раз за последние пять лет.

Причина не менялась...

Горло беспокоило меня с детства. В девяностые родители вместе с врачами решили, что нужно пройти процедуру — удаление аденоидов. Не помню, сколько мне было лет — лишь то, что тогда меня ремнями привязали к креслу и резали без какой-либо анестезии. Врач обманывала меня, требуя открыть рот: «Я просто приложу холодненькое, и всё пройдет», — говорила она, а потом начинала резать снова. Металлический запах крови заполнял рот, было больно и страшно. Мне очень не хотелось повторять этот опыт. Вместе с аденоидами в тот день мне частично удалили миндалины «для прохождения инструмента». Медсёстры жаловались, что я во время процедуры порвал ремни фиксации.

Поэтому я годами откладывал операцию, надеясь, что антибиотики и лечение помогут. Но они помогали лишь на время, а потом всё возвращалось снова.

Мои мысли прервали — дверь кабинета, у которого я сидел, открылась, и из него вышла молодая девушка. Ничего удивительного. Пенсия такие визиты не оплатит — старики сейчас явно сидели где-то в переполненной больными и кашляющими людьми поликлинике.

Она прошла мимо, одарив меня легкой улыбкой, и я шагнул внутрь.

Кабинет врача в частном медицинском центре разительно отличался от тех, что я помнил из детства. Здесь не было запаха хлорки и старой краски, смешанных в один удушливый коктейль. Вместо этого воздух был чистым, почти стерильным, с едва уловимым ароматом чего-то сладкого. Стены были окрашены в спокойные пастельные тона, а на одной из них висели сертификаты и дипломы в аккуратных рамках.

Огромные окна занимали почти всю стену напротив входа, и утреннее солнце заглядывало внутрь, разливаясь по полу теплыми лучами. За окном виднелись верхушки деревьев и серое небо, но здесь, в тепле и уюте, это не имело значения. На столе врача стоял современный компьютер с большим монитором, рядом лежали инструменты в закрытых упаковках, а сам стол был идеально чистым — ни пылинки, ни лишних бумаг. Всё говорило о порядке, профессионализме и заботе о комфорте пациента. Здесь не было места хаосу и безнадежности, которые я ассоциировал с государственной медициной.

— Садитесь, Юрий, — врач в безупречно белом халате приветливо указала на стул напротив.

Пока я устраивался, она углубилась в чтение моей электронной медкарты.

— Дайте угадаю: тонзиллит второй раз за год? — в её голосе прозвучал легкий укор, будто я был виноват в собственной болезни.

— Похоже на то... — начал я и принялся описывать симптомы. Тон врача мне был знаком. Я уже не первый раз слышал от неё, да и от других, что все мои проблемы решит простая операция, на которую я никак не решался.

— Я не буду придумывать ничего нового — лечение в прошлый раз ведь помогло? Назначу те же препараты. Но я в очередной раз посоветую вам двустороннюю тонзиллэктомию, — тон смягчился, и она продолжила: — Это простейшая операция. Вам удалят миндалины, и вы пойдете домой уже на следующий день...

«Простейшая операция», — эхом отозвалось в голове. Я знал, что она права, что современная медицина не имеет ничего общего с тем, что было в девяностые. Но детский страх сидел глубоко, и каждый раз, когда речь заходила об операции, перед глазами вставало то кресло и ремни.

Она продолжила говорить, но я уже не слушал. Выпасть из работы даже на пару дней казалось невозможным. Кто-то думает, что работа программиста — это кофе и разговоры у кулера, но обычно это переработки и необходимость закан-

чивать глубокой ночью.

Но и постоянно болеть не хотелось. Жена уже устала от моего больного горла. Тем более что на больничный с нашим законодательством ходить очень невыгодно. По сути, полноценно уйти на больничный можно было лишь раз в год, и я эту возможность давно потратил. Через час я должен был быть в офисе, и всем было глубоко плевать, что у меня там болит — я просто подведу команду. Команда зависела от меня. Мою работу никто другой вовремя сделать бы не смог.

Ладно. Пора с этим заканчивать. Весной возьму остаток отпуска и тогда...

Знай я тогда, чем всё обернется, я бы никогда не согласился на эту операцию...

План дообследования:

1. маркеры на гепатиты (HBs-AG , анти - HCV)
2. Решение вопроса о плановой тонзилэктомии

Глава 2 — Он знал, что делает (Жена)

Он часто болел. Болело горло, температурил. Врачи, год за годом выписывая антибиотики, твердили одно — удаление миндалин поможет.

Я видела, как он мучился. Каждый раз, когда начиналась очередная ангина, он становился раздражительным, плохо спал, не мог нормально есть. Температура выбивала его из колеи на несколько дней, а потом ещё неделю он приходил в себя. Я устала от этого. Устала видеть его страдающим, от постоянных походов в аптеку, от того, что он снова и снова болеет.

В тридцать лет болеть по несколько раз в год — это казалось неправильным. Как-то не по возрасту. Все вокруг были здоровы, а он с температурой, с больным горлом. Хотя муж и проходил полное обследование раз в полгода, эти ангины сводили на нет все его усилия. Это должно было как-то решиться.

Все врачи говорили, что нужно удалять гланды. Он собирал документы для госпитализации. Анализы, заключения врачей — и, наконец, на руках у него был полный комплект. Дело было за главным — найти врача, который бы сделал операцию.

Кто-то из его бывших коллег посоветовал хирурга — новую заведующую ЛОР-отделением четвёртой больницы города Минска. Вспоминали, что заведующей она стала совсем недавно.

Ходили слухи, что прежнее руководство и часть врачей покинули отделение после громкого случая — смерти пациента. Это была нелепая, трагическая случайность: человек пришёл в себя на каталке после наркоза, попытался встать и упал. Видео этого момента тогда крутили на всех новостных порталах страны. Жуткие кадры, которые обсуждали в каждом офисе.

Но ведь с нами такого произойти не могло... Это была обычная операция, которую делают тысячам людей каждый год. Ничего сложного. Просто удаление миндалин — рутинная процедура.

Муж встретился с заведующей, и они быстро договорились о дате госпитализации. Шла ранняя весна 2018 года.

Я не волновалась. Вообще никто не волновался. Жизнь была слишком плотно забита делами, чтобы оставлять место для тревоги. Я работала в университете, график был сумасшедшим. Утром — садик, потом работа, после работы — снова садик, магазины, готовка, домашние дела. Муж по вечерам возил ребёнка на кружок по подготовке к школе. Выходные пролетали в попытках хоть как-то переключиться: торговые центры, парки, детские площадки. Свободного времени не было.

Операция виделась нам просто ещё одним пунктом в бесконечном списке дел: сделать и забыть.

Наконец, после всех предварительных анализов, он лёг в больницу.

Взял отпуск на неделю, собрал небольшую сумку и просто уехал. Никто не устраивал долгих проводов — к чему они перед рядовой процедурой? Утром он просто поцеловал меня, сказал, что вернётся через пару дней. Я даже не запомнила его последних слов — что-то будничное, про то, что скоро всё это закончится и он наконец перестанет болеть.

Его родители, я, друзья — все воспринимали это как досадную, но необходимую формальность. Обычная больница, стандартная манипуляция. Ничего особенного.

Тогда никто из нас не мог даже представить, что произойдёт...

Глава 3 — Палата (Автор)

Четверг, 26.04.2018.

Всё началось как-то неправильно. После частных центров больница выделялась очередью в плановой регистратуре и долгими попытками найти ключ от кабинета, где новым пациентам нужно было оставлять верхнюю одежду.

Запах хлорки и старой краски, который я так хорошо помнил с детства, ударил в нос сразу же, как только я переступил порог. Здесь не было вышколенности частных центров — здесь был другой мир, мир государственной медицины с её вечными очередями и бюрократией.

Нас было несколько десятков человек, и мы стояли в ожидании, пока женщина в белом халате закончит ругаться с санитаркой. Голоса перекрывали друг друга, кто-то кашлял, кто-то пытался что-то выяснить у персонала. Я стоял и думал: вот оно, то самое, чего я так долго избегал.

Наконец я избавился от куртки, но меня ждала новая проблема: в регистратуре женщина-регистратор заявила, что во втором отделении нет мест, и не стала слушать мои доводы.

— Первое отделение, — бросила она мне бумаги, слегка повысив голос и позвав следующего.

Все мои договорённости рассыпались в прах. Возможно, сама вселенная давала мне знак, и я должен был тогда просто

принять это решение. Всё бы сложилось иначе...

Я принялся названивать на мобильный телефон заведующей, которая долгое время меня игнорировала. После часа ожидания я всё же поймал её у кабинета.

— Ничего страшного, иди в палату номер четыре. Я разберусь, — спокойно заявила она.

Что ж, одно дело было сделано. Мне на мгновение стало интересно, что будет предпринимать медперсонал первого ЛОР-отделения, у которого «пропал» пациент, но это была уже не моя проблема.

Четвёртая палата была обычной, на четверых. Если вы когда-нибудь видели помещение, где четыре кровати занимают почти всё свободное место, то вы сразу поймёте, куда я попал.

Убранство меня не удивило: железные кровати с неудобными панцирными сетками прямиком из СССР, голые стены, окрашенные потрескавшейся от времени краской. Воздух был спёртым, с примесью лекарств и чего-то ещё, что я не мог определить. Тумбочек всего две на четверых — вещи положить было некуда. Розеток тоже всего две, и обе на противоположной от меня стене. Заряжать телефоны нам придётся по очереди. Интересно, такие неудобства планировались заранее или изначально здесь должны были находиться лишь двое? На мой мысленный вопрос некому было ответить.

Я вспомнил палату, где лежал ребёнком — тогда нас в ней

было шестеро, но она была намного больше. Там была раковина, и у каждого была тумбочка. Здесь же не было места комфорту — только функциональность и утилитарность советской медицины.

А вот соседи были интересными. Мы с ещё одним молодым парнем, прямиком из воинской части, ожидали операции, а двое других уже прошли через неё.

Молодой солдатик был лет восемнадцати. Коротко стриженный, черноволосый. Ему как будто было неудобно здесь. Как будто он мешал нам самим фактом своего присутствия.

Вторым был мужчина за шестьдесят, который уже два месяца мучился от постоянных носовых кровотечений после операции.

Последний послеоперационный больной был плох. За сутки его осмотрели лишь раз. Зашедший на обходе врач лишь сочувственно спросил: «Совсем плохо?» — и на этом осмотр закончился.

Мужчине было лет сорок. Он хрипел и часто сплёвывал на пол, куда его жена постелила пелёнку. Он не разговаривал, и было понятно, что его состояние не позволит вести беседы. Его жена, которая целый день провела у кровати, по сути, была единственной, кто за ним наблюдал.

Во время обхода зашёл врач — молодой, черноволосый, подтянутый мужчина. Основная его эмоция, бросающаяся в глаза, — желание поскорее от нас уйти. Когда мужчина с кровотечением попытался объяснить, что тампоны ему ста-

вили несколько раз, но после их снятия кровь начинала идти вновь, врач даже не пытался сдерживаться: вопросы пациента его раздражали. Он сказал, что нос просто нужно тампонировать, махнул рукой и был таков. В этот момент в глазах больного я видел лишь обречённость. Он явно не первый раз сталкивался с таким отношением.

Когда врач подошёл к тяжёлому больному, его жена пыталась задавать вопросы. Врач отвечал односложно и общими фразами: «Нужно время», «Всё будет хорошо». Женщина выглядела взволнованной, но за время моего пребывания она ответов так и не получила. Ушла она лишь ночью, и, как мне кажется, персоналу отделения так было даже удобнее. Следить за тяжёлым пациентом никто желания не изъявлял.

Я видел, как врач раздражается на вопросы пациентов, и думал: неужели это нормально? Но я был здесь не для того, чтобы судить. Я был здесь, чтобы решить свою проблему.

Я смотрел на моих соседей и думал: что с ними не так? Почему одному из них так плохо? Какие именно операции им делали? Но быстро отогнал эти мысли — со мной такого точно не будет. Я ведь тут только ради этих несчастных миндалин. Операция была назначена на завтра, пятницу, а в следующий вторник я уже должен был выйти на работу.

Находиться в палате было тяжело. Я чувствовал эмпатическую боль от созерцания их состояния.

Я вышел в коридор и направился к кабинету заведующей. Коридор был длинным и полутёмным, с редкими лампами,

которые мигали и гудели. У стены стояли каталки, на одной из которых лежал человек, до подбородка прикрытый простынёй.

Заведующая была лет тридцати пяти, с длинными чёрными волосами. Удивляло огромное количество косметики на лице: ресницы, брови, помада, тени. В её облике угадывалось желание внушить уверенность в её профессионализме. Я отчасти её понимал, зная, что она на этой должности лишь месяц. Врач оказалась на месте и приняла меня тепло.

Разговор с заведующей ничего, по сути, не значил. Мы вновь проговорили, что завтра утром я буду первым в очереди на операцию и что наркоз будет общим. На том и разошлись.

Во второй половине дня ко мне зашла анестезиолог — приветливая женщина. Я опять отвечал на вопросы о своём весе и отсутствии аллергии на анестетики. Всё это я уже рассказывал заведующей, но повторить было не лишним. Чтобы ничего не перепутали.

Дело шло к концу рабочего дня, когда за молодым солдатиком пришли. Завтра его ожидал перевод в военный госпиталь вместо лечения в этой больнице.

Позже, анализируя происходящее со мной и моими соседями по палате, я понял, что ему, скорее всего, повезло.

Вечером я позвонил жене и матери. Обе были спокойны. Обсудили сегодняшний день. Выслушал жалобы на погоду и на усталость.

— Завтра отстреляешься, и в это же время мы созвонимся, — произнесла мать в конце разговора.

Ночь прошла тяжело. Заснуть в помещении с мучающимся от боли соседом было невозможно. Его хрипы и стоны раздавались в темноте, перемешиваясь с шагами и разговорами в коридоре. Злиться тоже было не на кого. Ранее я пытался оформить себе отдельную палату, но мне сказали, что мест нет. Что ж, ещё пару дней, и меня здесь не будет. Я вернусь к себе домой и навсегда забуду о больном горле и больничных тяготах.

Так я думал. Ведь я здоровый, сильный, подготовленный...

Глава 4 — Не тот стол (Автор)

Пятница, 27.04.2018.

Поспать удалось лишь пару часов. Стоны с соседней койки прекратились только под утро — тогда забылся сном и я.

Утро началось с поисков сестры-хозяйки, которая должна была выдать мне одежду для операции. Завтрак мне не полагался, поэтому я бродил у закрытого кабинета и выспрашивал у проходящего медперсонала, не знают ли они, где его хозяйка.

До операции оставалось минут двадцать, и я начал всерьёз волноваться. Опоздать на собственную операцию из-за несчастной робы — чем это могло грозить? Я не представлял.

Наконец встреченная мной женщина в белом халате оказалась именно той, кто был нужен. Я схватил рубашку и штаны и бросился переодеваться. У палаты уже ждала недовольная медсестра.

— Где вы ходите? Нас уже ждут! — раздражённо бросила она.

Я не стал тратить слова на объяснения и проскочил мимо неё в палату. Тут всё было по-прежнему: боль и уныние. Солдат уже собирал вещи, готовясь к переводу. Жена тяжёлого больного снова заняла свой пост у койки мужа. Я было

подумал попросить её выйти, но не решился. Ей сейчас было точно не до меня, да и мне было уже не до стеснения. Быстро облачившись в больничную одежду и поставив телефон на зарядку, я выскочил в коридор.

Медсестра быстрым шагом направилась к лифтам, я едва поспевал за ней. Каждый шаг приближал меня к моменту, которого я так долго избегал. Вокруг бурлила обычная больничная жизнь: пациенты медленно выходили из столовой, разбредаясь по палатам, медсёстры и санитарки привычно сновали туда-сюда.

В предоперационной медсестра велела мне ждать. Это была маленькая комнатка с несколькими стульями, пропахшая антисептиком и чем-то ещё, неуловимо-медицинским. Я сидел в тишине, прислушиваясь к звукам из-за дверей операционной: там играло радио и слышался женский смех.

Не худший аккомпанемент для моих мыслей. Я не ждал ничего плохого. Общий наркоз давал иллюзию того, что всё самое страшное я просто просплю.

Вошла операционная сестра и пригласила меня внутрь.

Операционная оказалась просторной, с огромными окнами почти во всю стену. Сегодня было солнечно, и яркий свет, заливавший помещение, резко контрастировал с полутёмными коридорами. Белые стены, часы, шкафы с приборами, таблицы и схемы — всё выглядело стерильным и функциональным.

Пол был покрыт бесшовным, легко моющимся материа-

лом. В центре стояли два операционных стола, расположенных друг за другом. Вокруг теснились инструментальные столики на колёсиках. Несмотря на простор, наличие двух столов в одной комнате создавало ощущение тесноты. Два пациента одновременно — это казалось странным.

Из приёмника громко и навязчиво звучала какая-то русская попса. Казалось, персонал специально прибавил громкость, чтобы заглушить тишину и напряжение ожидания.

Я замер у входа, не зная, к какому столу идти.

Пять человек в медицинских костюмах двигались по комнате, готовя оборудование. Они переговаривались, смеялись — для них это был обычный рабочий день, рутина. Молодая девушка жестом пригласила меня к креслу, расположенному так, что, улегшись, я видел улицу. Заведующей, которая должна была оперировать, пока не было. Я старался успокоить мысли, разглядывая прохожих за окном.

Детский опыт снова вытащил из подсознания старые страхи. Перед глазами возникли ремни, стягивающие тело, острая боль и тошнотворный запах крови. Я зажмурился, пытаюсь отогнать видения. Это было другое время, другая страна. Прошло больше двадцати лет, медицина шагнула вперёд. Нужно просто довериться.

Пока я под «Русское радио» вспоминал своё детство, привели второго пациента. Я слышал шаги и голоса за спиной, но не видел, кто это. Впрочем, мне было всё равно. Я ждал только одного — чтобы меня наконец усыпили. Чем быстрее

всё начнётся, тем быстрее закончится. Так я думал.

За окном текла обычная жизнь. Люди шли по своим делам, не подозревая, что происходит здесь, за стеклом. Для них это был просто весенний день.

Наконец сзади раздался знакомый голос заведующей. Она поздоровалась с коллегами, а затем произнесла фразу, которая заставила меня напрячься:

— Вы неправильно их разместили. Не тот стол...

Не тот стол? Что это значило? Мне нужно перелечь? Или они перепутали пациентов?

— Ладно, давайте уже так, — бросила у меня за спиной заведующая.

В поле моего зрения она так и не появилась. Вокруг за-двигались люди, в вену ввели анестезию. Мне велели считать от одного до ста.

— Один, два, три... — начал я, не чувствуя ровным счётом ничего. Мне казалось, что наркоз не действует и я спокойно дойду до сотни. — Десять, одиннадцать...

Я отключился.

Глава 5 — Проснулся.

Слеп. Без голоса (Автор)

Боль. Почему же так больно?

Что со мной?

Я понял, что очнулся, но физически не мог дышать. Каждый вдох давался с огромным трудом — какая-то жидкость, разъедающая горло, перекрывала путь воздуху. Кислый вкус во рту, ощущение, что я тону в собственной слюне или крови. Я понимал: одно неосторожное движение, и я захлебнусь.

Стоило мне закашляться, и жидкость окончательно перекрыла бы доступ кислорода. Нужно было успокоиться. Медленный вдох, выдох. Вдох, выдох...

Болело сразу в нескольких местах: горло, суставы челюсти и где-то в основании языка. Почему?

Я не сразу осознал, что вокруг абсолютно темно — слишком сильно был сконцентрирован на том, чтобы не задохнуться, лёжа на спине. Сейчас дыхание было важнее всего.

Сколько я так пролежал? Пять минут? Час? Я не представлял. Нужно было просто вдохнуть и выдохнуть. А потом повторить это снова.

Жидкость — скорее всего, это был желудочный сок, жгущий гортань — не позволяла мне ничего лишнего: ни позвать на помощь, ни даже застонать.

Какой-то отточенный тысячелетиями эволюции механизм внутри меня сломался, и теперь я просто мучился от боли.

Время тянулось бесконечно. Наконец я услышал шаги, а затем и мужской голос. Мужчина что-то спросил, и я вновь открыл глаза. Вокруг по-прежнему была темнота.

Внезапная догадка, будто бомба, взорвалась внутри мозга: я был слеп. Дело было не в том, что кто-то позаботился обо мне и выключил свет. Я просто не видел. Я попытался моргнуть, пошевелить веками, но ничего не изменилось. Мои глаза больше не работали.

Я попытался сказать об этом, попросить о помощи, но не смог. Из горла вырывалось лишь невнятное шипение. Язык и нёбо не слушались.

Каждое из этих открытий само по себе стало бы страшным ударом, если бы не необходимость контролировать каждый вдох. Сейчас было не время паниковать или изводить себя вопросами.

Что со мной? Что случилось в операционной? Почему я не вижу? Почему не могу говорить? В голове роились вопросы, но ответов не было. Я остался один на один со своей болью и страхом.

Правая рука слушалась чуть лучше, и я попытался объяснить — двигал ей перед лицом и мычал. Санитар — как выяснилось позже, это был именно он — кажется, понял меня и ушёл.

Я же вернулся к своему единственному занятию: вдох-

выдох, вдох-выдох. Слабость, невыносимая боль и полная неопределённость не давали покоя.

Сколько я так пролежал, не знаю — может, час. Всё это время я не мог даже сообщить, что захлёбываюсь. Желудочный сок продолжал выжигать мне горло, но я тогда этого не осознавал. Думал, что всё пройдёт. Пройдут сутки, и станет лучше.

Я обманывал себя, уговаривал. Может, я ещё буду видеть. Медицина ведь сейчас творит чудеса...

Главное — не задохнуться. Не закашляться...

Я попытался сглотнуть скопившуюся во рту влагу и не смог: нёбо было мёртвым, будто принадлежало другому человеку.

Приоткрыв рот и попытавшись пошевелить языком, я понял, что левая часть лица и языка полностью парализованы. Что со мной?

Я читал о подобном — кажется, такие симптомы бывают при инсульте. У меня был инсульт?

Наконец рядом началось какое-то движение. Женский голос спрашивал обо мне, а мужской, похожий на голос того санитаря, отвечал.

Наконец врач обратилась ко мне:

— Мне сказали, вы жалуетесь, что не видите. Откройте глаза.

Она ждала ответа, но я молчал. Я открыл рот, но язык был как кусок дерева. Пытался жестикулировать, но левая рука

едва шевелилась. Я оказался в ловушке собственного тела.

Голос у врача был приятный, и я из последних сил разлепил веки. Правый глаз уловил какой-то свет, левый же показывал лишь сплошную красную пелену.

В тот момент я был совсем плох и не мог внятно отвечать. Разум затуманился. Я смертельно устал просто управлять своим дыханием.

Помню яркий свет — мне чем-то светили в зрачки, потом закапывали какое-то лекарство.

Мне никто ничего не объяснял. А сам я спросить не мог. Затем я снова провалился в серый туман...

Очнулся я уже в общей палате. Боль никуда не ушла, но правый глаз начал различать очертания предметов. Видимо, капли помогли.

По голосу я узнал жену соседа по палате — того самого, тяжёлого. Где-то на фоне надрывался мой телефон, раз за разом повторяя одну и ту же мелодию, но мне было не до него.

Телефон звонил и звонил. Наверное, это была жена? Или мать? Они ждали звонка, как мы и договорились. Но я не мог взять трубку, не мог сказать им, что со мной произошло.

Было больно, и я продолжал заставлять себя дышать.

Соседи что-то говорили мне про телефон. Может, он им мешал, а может, они думали, что я не слышу.

Я не мог им ничего объяснить. Не было сил даже поше-

велиться.

Не знаю, сколько я так пролежал. Внезапно перед глазами возникла фигура. Я не сразу понял, кто это, но по голосу узнал — отец.

Он стоял надо мной, а я почти не видел его. Я слышал его голос, но не мог ответить. Хотел сказать, что не понимаю, что происходит, но из горла вырывалось только хриплое шипение.

Отец что-то говорил, и я заставил себя сфокусироваться на смысле слов.

— Как ты? — наконец разобрал я вопрос.

Я лишь промычал в ответ, и он меня не понял. Любая попытка заговорить или пошевелиться отдавалась невыносимой болью. Я чувствовал себя абсолютно беспомощным.

— В туалет? — после долгой паузы я кивнул. Сам бы я не дошёл.

Путь в туалет превратился в пытку. Каждый шаг давался с нечеловеческим усилием. Я висел на отце, но ноги подкашивались. Я видел только смутные силуэты. Мир стал плоским и серым.

Телефон продолжал звонить в палате, пока отец буквально тащил меня по коридору.

Он сказал, что мы пришли, но я не видел унитаза — левый глаз ослеп окончательно, а правый лишь угадывал пятна.

Я прижался плечом к холодной плитке стены и начал шарить рукой. Нашёл — он был совсем рядом.

Возвращались мы так же долго. Без отца я бы просто сполз по стене на пол.

Он уложил меня на кровать и, сказав что-то ободряющее, вышел.

Этот короткий поход полностью выжал из меня остатки сил, хотя туалет находился прямо напротив палаты.

В голове пульсировала единственная мысль: правый глаз, скорее всего, спасут. Если, конечно, будут лечить. Это не приговор. С одним глазом тоже можно жить.

Боль не утихала. Внезапно меня забил кашель, и я выплюнул что-то, что жгло горло и рот. Кровь? Или что-то другое? Я не знал. Просто выплюнул это на одеяло и упал на подушку, окончательно обессиленный.

Сознание помутилось, и я снова провалился в беспамятство...

Глава 6 — Он не перезвонил (Отец)

27.04.2018.

В день его операции я поехал на работу. Шли часы, и все мы ждали звонка от сына, который всё не звонил. Его телефон тоже никто не поднимал. Прошло уже несколько часов после операции, и его жена — Ольга — начала пытаться связаться с заведующей. Никто не брал трубку. Через полтора часа она дозвонилась до поста, где ей сказали правду: Юра в реанимации.

Почему он там оказался — было непонятно. Когда я узнал об этом, то поехал в больницу сам.

Удалось застать заведующую на месте — скорее всего, она в этот день дежурила, иначе непонятно, почему она всё ещё была в больнице.

Врач сказала мне, что во время операции сын проснулся, начал вставать и говорить: «Я пойду домой». Они вчетвером силой начали его укладывать, потому что у сына была во рту трубка.

Она не сказала, что произошло конкретно, но я думаю, что в результате сыну «вывернули челюсть», и во время этого, вероятно, от сильной боли у него наступил гипертонический криз. Давление подскочило до 220 на 110. Что привело к кровоизлиянию. Которое, в свою очередь, привело к буль-

барному синдрому с левой стороны.

Если бы синдром был двусторонним, то сын бы, по мнению врачей, умер. Об этом мы узнали уже позже, годы спустя. Я сам врач и состояние охарактеризовал бы так: с нарушением речи, нарушением функции глотания, нарушением чувствительности языка, обильным выделением слюны изо рта и кровоизлиянием в оба глаза.

Речь заведующей была спокойной, слегка ироничной. Из её рассказа выходило, что сын «учудил» там, в операционной.

Заведующая сказала, что вызвала офтальмолога на консультацию. Та посоветовала обратиться за консультацией к офтальмологу в 10-ю больницу г. Минска, потому что у специалиста 4-й больницы не было оборудования и средств для диагностики. Но сын лежал тут, и было непонятно, когда мы сможем попасть в 10-ю больницу.

Выяснилось, что после реанимации сына перевели в общую палату, где находилось ещё три человека.

Я пришёл к сыну. Он был никакой — слабо понимал, где он, почему, что с ним. Речь была невнятная, изо рта шла кровь. Его шатало из стороны в сторону. Давление оставалось высоким. Сын сам не мог дойти до туалета, и я его туда тянул. Позже выяснилось, что пока сын был на операции — его обокрали. Денег в кошельке не оказалось.

Я попросил заведующую перевести его в отдельную палату. Повезло, что там лежал иностранец, которого отпустили

на несколько дней домой.

Сыну разрешили перебраться туда, и я его дотащил. Он был плох и временами не понимал, что происходит. Постоянно задыхался, поперхивался, покашливал. Не мог глотать.

Ближе к ночи он пришёл в себя и начал злиться, что не может ничего объяснить, что его не понимают. Нам постоянно требовались марлевые салфетки, чтобы вытирать рот. Санитарки сказали купить марлю или полотенца, чтобы убирать выделения. Мы купили сразу много...

Наступала ночь... Я остался с сыном в больнице. Он нуждался в постоянной помощи. Оставить его одного было невозможно: он был очень слаб, у него держалось высокое давление, его сильно шатало. Я боялся, что он упадёт с кровати и повредит себе что-нибудь.

Я попросил у медперсонала кровать, и мне принесли узкую лежанку. Персоналу было удобно, что за таким тяжёлым больным им не придётся ухаживать.

Санитарки приносили ему больничную еду, но ему было больно жевать, да и глотать пищу он не мог.

В результате он перестал пробовать есть вовсе.

При попытках пить он давился, кашлял, задыхался.

В десять часов вечера зашёл дежурный врач. Спросил: «Ну, как он тут?». На мои жалобы он лишь развёл руками и ушёл. Ночью сын не спал. Всю ночь шли кровавые выделения, постоянно приходилось вытирать ему рот. Сын мог только сидеть. Лёжа он задыхался.

В отличие от него, я спал урывками. И так до утра. Ночью никто из врачей или медсестёр не приходил.

Наступила суббота. Заходили дежурные врачи, спрашивали. Сыну было плохо, но на наши жалобы никто не реагировал. Никто не корректировал врачебные назначения.

Все просто ждали. Чего?

Глава 7 — Мы ждали — он не говорил (Мать)

27.04.2018. День операции.

Утро. Я была на даче. Молилась, ждала. Время шло, а сын всё не звонил. Я набрала мужу и спросила: знает ли он что-то? Может, сын пошёл на операцию не первым, а, например, вторым? Никто ничего не знал. Жена сына, Ольга, тоже.

Я начала волноваться. Начала звонить ему. В какой-то момент сыну звонила я, муж и невестка. Никто не мог позвониться. Телефон никто не поднимал.

Из больницы с нами так никто и не связался. Ольга долго звонила в отделение, а потом на мобильный номер заведующей. Та ответила ей лишь к обеду.

Муж поехал в больницу. Позже позвонил мне и сказал: прооперировали.

Мне в день операции никто ничего не говорил. Муж лишь обмолвился, что сыну после процедуры тяжело. Ничего страшного, по мнению заведующей, не случилось.

Уже позже я поняла: муж просто боялся, что я и невестка не выдержим правды.

На следующий день, в субботу, муж сказал мне, что сыну всё ещё нехорошо, и я решила возвращаться в город.

Невестка по телефону сообщила, что нужно купить лекарство. Кто-то из дежурных врачей отделения посоветовал его принимать. Оно якобы доступное, но в самой больнице его не оказалось.

Я пообещала его купить и в воскресенье вернулась в город. Нашла препарат через аптечную справку. Лекарство оказалось в единственном экземпляре лишь в одной аптеке Минска.

Я не думала, что с сыном всё настолько серьёзно, и решила поехать за лекарством наутро четвёртого дня — в понедельник.

Утром заехала к открытию аптеки, а потом — на такси в больницу.

В клинике я, наконец, увидела сына. Отдельная платная палата была крошечной. В ней с трудом помещались две кровати. На одной сидел сын, на второй разместилась его жена.

Сын выглядел ужасно: был очень слабым, не мог глотать. Лицо стало серым, осунувшимся. Глаза запали и были жутко красными. Передо мной сидел не мой молодой сын, а измождённый старик. Он всё время сидел, так как лёжа задыхался из-за желудочного сока, попадающего в горло. Постоянно кашлял и мучился от боли.

Он пытался общаться, но разговаривать у него не получалось. Полученные травмы сделали его речь несвязной. Мы не понимали, что он говорит. Кто-то принёс бумагу, и он писал нам записки. Так мы и «разговаривали».

Но, несмотря на своё состояние, он пытался быть полезным. Хотел вернуть деньги за купленные мной лекарства, а также оплатить палату, в которой сейчас лежал.

Сын полез в свою сумку, достал кошелёк и застыл. Потом начал лихорадочно лазать по карманам. Тяжело опустился на кровать. Написал нам на листке бумаги: «Меня обокрали». Кошелёк был пуст. Пока он был на операции или находился в реанимации — денег у него не оказалось.

Дело было даже не в деньгах. А в том, что пока он боролся за жизнь, кто-то рылся в его вещах. От этой мысли становилось гадко.

Время от времени в палату заходили медсёстры с капельницами или санитарки, предлагающие поесть. Последним сын всегда отказывал — он просто не мог глотать.

Через пару дней мне наконец удалось поговорить с заведующей. Я села в коридоре у её кабинета и стала ждать. Я не понимала, почему сыну так плохо, почему он не может спать. Ему не становилось лучше от антибиотиков, которые вводили бесконечно.

Я увидела её в коридоре и сразу узнала по описанию сына. Он рассказывал о ней ещё до операции: много косметики, пудры, густая тушь.

Я задавала вопросы, пыталась достучаться до неё.

— Что-то не то. Он не ест. Сделайте что-нибудь! Он уже должен был выйти на работу, а он очень плох. Сделайте рентген, что-то ещё. Я не знаю... Почему он не может есть?

Заведующая на вопросы не отвечала, а просто выписала направление на рентген. Нужен ли он был? Откуда мне знать? Я просто хваталась за соломинку.

— Идите на рентген. С ним всё нормально, всё хорошо. Это послеоперационное.

И мы пошли. Я вела сына под руку и думала: как можно назвать его состояние хорошим? Он еле передвигал ноги, ему было больно, он не мог есть, воду пил с огромным трудом. За неделю он съел всего несколько детских йогуртов, да и то через силу. Почему-то, когда он чувствовал вкус специй или соли, у него сразу начинались сильные боли в челюсти. Что-то было не так с нервами.

В рентген-кабинете мы сказали, кто мы. У врачей почему-то сразу стали испуганные лица. Между собой медперсонал перешёптывался: «А, это тот самый парень...».

Наконец сделали снимок, и нам выдали результат: всё в норме. Я понимала, что моя догадка была неверна, но я ведь не врач. Нужно было его лечить, но как? Ему давали лишь антибиотики и капли для глаз.

Сыну было так же плохо. Из улучшений — только то, что правый глаз стал видеть чуть лучше. Он раньше много читал, но сейчас просто страдал в тишине. Первую неделю он почти не спал и не ел. В палате не было ничего, что могло бы его отвлечь.

Я старалась приезжать в больницу как можно раньше. Однажды санитарка этого отделения сказала мне с улыбкой:

— О, вы уже еду принесли.

— Он же ничего не может есть! — опешила я.

Похоже, работники через такие расспросы пытались понять, идёт ли сын на поправку. Меня это возмутило. Звучало так, будто нас проверяют на ложь. О чём они думали? Что сын тайком ест домашнюю еду, отказываясь от больничной?

Я понимала: нужно выписываться и искать помощи в другом месте. Здесь ему не помогут.

Глава 8 — Всё хорошо, ты просто нежный (Автор)

Я пришёл в себя в отдельной комнате, похожей на пенал. За окном была ночь, рядом с моей кроватью стояла вторая — намного уже и явно неудобная. На ней кто-то лежал. Моя кровать стояла прямо у окна. При желании я мог протянуть руку и коснуться стекла.

Я не помнил, как я тут оказался. Мои глаза не позволяли рассмотреть подробности, но я уже был рад, что, несмотря на красную пелену, правым глазом мне удалось разобрать и это. Значит, я не буду полностью слеп.

Челюсть и голова болели. Внезапно меня накрыл приступ кашля, и жидкость хлынула в горло, обжигая его невыносимой болью. Я приподнялся, чтобы не захлебнуться. Голова начинала работать, и я понял, что это желудочный сок. Почему-то лёжа он спокойно поднимался по пищеводу вверх.

Я прижался спиной к стене и отдышался. Мои действия потревожили соседа. Он зашевелился и приподнялся на локтях.

— Как ты?

Я узнал голос отца. Похоже, ему разрешили остаться со мной. История повторялась. В первый день в больнице я видел пациента, за которым присматривала жена, а теперь я

сам нуждался в присмотре.

Я попытался что-то ответить, но отец меня не понял. Он начал строить предположения, что же я имел в виду, и это меня дико разозлило.

Ещё вчера я был почти здоров. Сейчас же я был очень плох. Я даже не мог пожаловаться на что-то. Невозможность общаться голосом замкнула меня в самом себе. Я не мог описать свои симптомы и понимал, что никто даже не представляет, что со мной происходит.

Очень сильно болела челюсть в суставе. Особенно слева. Боль от сожжённого желудочным соком горла постепенно проходила, и я попытался показать отцу, что меня беспокоит.

Боль в челюсти перестала быть просто ощущением. Она обрела плотность и ритм. С каждым ударом сердца в левый сустав челюсти словно вбивали раскалённый гвоздь. Это был монотонный, изматывающий гул, который невозможно было выключить. Я пытался найти положение головы, при котором этот гул станет тише, но такого положения не существовало. Боль стала моим единственным собеседником, который кричал мне в ухо, заглушая мысли.

Отец опять меня не понял. Начал успокаивать, делать неправильные предположения.

Я осознал, что мне не помогут. Мне просто нужно терпеть. Когда мне станет лучше и станет ли? Знают ли окружающие, что я задыхаюсь лёжа? Знают ли они про странную

боль в челюсти? Да и при чём тут челюсть, когда мне должны были вырезать миндалины?..

Я вновь болезненно закашлялся, и изо рта пошла кровь. А может, и не она — что-то вязкое. Отец протянул мне марлевое полотенце, и я стал вытираться. Губы были онемевшие, я их почти не чувствовал.

Интересно, это тоже симптом?

Так я пролежал примерно час. Говорить я не мог, отец тоже молчал.

В какое-то время двери открылись, нам включили свет. Я болезненно поморщился от рези в глазах. Правый позволял видеть мутный силуэт в белом халате. Левым же я не видел ничего — только красную пелену.

Мне привезли капельницу. По разговору отца и пришедшей женщины я понял, что врач назначил антибиотики.

Медсестра — а это, скорее всего, была она — долго пыталась попасть иглой в вену. С четвёртой попытки у неё это наконец получилось.

Она раз за разом пыталась заставить меня лечь, а я не мог объяснить, что лёжа задыхаюсь, лишь шипел и мычал на её замечания.

Это чем-то напоминало разговор человека с домашним животным — снисходительно предполагаешь, что значит этот лай, и подкладываешь ещё еды. В моём случае собакой был я.

Наконец нас оставили одних, и я снова начал ждать. Я не

видел, сколько осталось жидкости во флаконе. Просто сидел и смотрел в одну точку.

Время от времени сплёвывал какие-то выделения, кривляясь от терзающей боли.

Капельницу сняли, а я остался сидеть. Я чувствовал дикую слабость, хотелось спать, но я не мог.

Боль, кашель, постоянно вытекающее изо рта нечто и невозможность лежать не позволяли заснуть. Я слышал, что отец проваливается в сон, и раз за разом будил его кашлем.

Я понимал, что мешаю ему, бужу, но физически не мог остановиться.

Ночь превратилась в чёрное, вязкое болото, из которого я не мог выбраться. Время сломалось. Мне казалось, что прошла вечность, а в реальности — не более пяти минут.

Граница между сном и явью стёрлась. Я проваливался в короткие микросны на пару секунд с открытыми глазами: тени в углу палаты начинали шевелиться, превращаясь в силуэты врачей, но стоило мне моргнуть — они исчезали. В голове стоял туман, сквозь который пробивались обрывки мыслей: «Сколько ещё? Час? Год? Вечность?». Я завидовал отцу, чьё дыхание было ровным и спокойным. Для него время шло. Для меня оно остановилось.

Так я просидел до утра.

Я вдруг понял, что не знаю, какой сейчас день. Сколько я тут? Сколько пробыл в реанимации? Сколько пробыл в общей палате? Я не знал.

Утро началось с капельницы. У медсестры опять не получилось найти вену. Я слушал её комментарии по поводу моих «плохих вен», пока она раз за разом колола мне руки, и думал: почему мои вены плохие?

Ведь я регулярно, каждые полгода, сдавал анализы в частных лабораториях, и там вену находили с первого раза. Никто не говорил мне подобного ранее.

Наконец игла встала на правильное место, и экзекуция завершилась.

Дверь опять отворилась, и я услышал, как женский голос предложил мне поесть.

Завтракать совершенно не хотелось, но отец взял инициативу в свои руки. Он думал, что это придаст мне сил.

Так я оказался с ложкой и чем-то, напоминающим по запаху кашу. Рассмотреть содержимое тарелки я не мог.

Я зачерпнул и отправил ложку в рот. Резкая боль буквально пронзила мозг, оглушив. Эпицентр её был в челюстном суставе слева.

Ложка буквально выпала из рук, но часть еды всё же попала в горло. Я попытался её проглотить и не смог — горло утратило возможность сокращаться. Я не мог протолкнуть еду дальше, в пищевод, и просто начал задыхаться.

Спустя пять минут я смог отдышаться. Похоже, по какой-то причине у меня повреждено ещё и горло. Есть в ближайшее время вряд ли получится.

Отец потратил какое-то время на уборку беспорядка,

оставленного мной. Потом вышел и принёс купленный где-то сок.

На сок у меня была такая же реакция — челюсть нещадно болела, и я решил пока не экспериментировать, ограничиваясь водой.

Пить у меня тоже плохо получалось — горло, по сути, не работало. Единственное, что позволяло воде попадать в желудок — сила тяжести и её естественная текучесть.

Я попытался общаться с отцом, но у меня не получалось. В палате было совершенно нечего делать, кроме постоянной необходимости терпеть боль.

Мой телефон зазвонил, и я взял его в руку. Я вдруг понял, что не вижу, кто звонит, что не могу даже найти на экране кнопку поднятия трубки. Да и подними я её, что бы я смог сказать? Только помычать в неё.

Я смог объяснить отцу, что телефон нужно попросту выключить.

Всё, что у меня было — это слух и слабая возможность видеть правым глазом.

К вечеру пришла жена, планируя провести ночь на соседней кровати. Она начала рассказывать, что говорила с хирургом, и та сказала ей, что ничего страшного не происходит.

Оказывается, жена приезжала ещё вчера, но заведующая сказала ей, что всё хорошо, что я скоро буду переведён из реанимации в общую палату. Что моё состояние ничем не отличается от ожидаемого.

«Он слишком нежный» — фраза, которую я так и не смог забыть.

Нежный? Они не понимали, насколько мне плохо, или старались не замечать? С момента, как я пришёл в себя, меня так и не осмотрели. Заходящие в палату дежурные врачи лишь сочувственно кивали и быстро уходили.

Я думал, что они просто не знают о моем состоянии. Вот я сейчас им объясню, и начнётся лечение...

Но самое страшное было не в боли. А в ощущении собственной прозрачности. Я был здесь, я страдал — но для окружающего мира я словно перестал существовать. Врачи смотрели сквозь меня, видели «нежного пациента», а не человека, чьё тело разрушается.

Я лежал и чувствовал, как отчаяние холодным камнем давит на грудь. Я хотел кричать, схватить их за халаты, заставить увидеть меня. Но я был немым. Запертым в сломанной оболочке собственного тела. Бессилие — вот что было на вкус хуже крови и гноя.

Как мне общаться с окружающими? Нужно было как-то рассказать им, что я не могу лежать. Про желудочный сок, попадающий по пищеводу вверх, про челюсть, неработающие мышцы нёба, про то, что я не могу есть и пить...

Врачи узнают и помогут мне. И я додумался. Достал из сумки рабочий блокнот и начал писать. Писать приходилось крупно. Я не видел букв, которые пишу. Я лишь соотносил положение руки с белым листом бумаги и писал что-то

огромными буквами так, что на одном листе могло разместиться лишь одно слово.

«ПИТЬ» — это было первое, что я смог сообщить жене. Это было начало.

Я не знал, когда врачи будут меня действительно осматривать, но был уверен: этот день наступит. И я смогу объяснить.

Мне капали капли в глаз и ставили капельницы. С последними была постоянная проблема — медсёстры менялись, но я искренне радовался, когда у них получалось поставить капельницу хотя бы со второго раза.

Руки были полностью исколоты и зудели.

Я уже несколько дней не спал и чувствовал себя соответственно. Я был физически и морально измождён.

Жена же решила, что мне нужно выйти на улицу и прогуляться на свежем воздухе. Помогла мне одеться, и мы двинулись вниз.

Я в общих чертах видел дорогу, пока мы шли по коридорам больницы. Очертания дверей, людей и каталок проступали сквозь кровавую пелену. Я вцепился в руку жены и понимал, что без неё не смогу нормально передвигаться. Мы пробывали на улице совсем немного и направились назад.

Дорога отняла все оставшиеся силы.

Родные пытались приносить разную пищу, надеясь, что я смогу это съесть, но почти на всё я реагировал одинаково — сильной болью в челюсти и невозможностью проглотить.

тить. Единственное, что у меня немного получалось есть, был жидкий йогурт.

Хотя его вкус был совсем не таким, как обычно. Я перестал нормально чувствовать вкус. Йогурт или разбавленный сок совсем не ощущались мной как раньше. Чувствовал я что-то странное — от пресного до самых отвратных оттенков, которые вызывали тошноту.

Дни выглядели похожими друг на друга. Я лишь сидел на месте и смотрел в одну точку. За весь день меня лишь несколько раз отвлекали капельницами, и на этом всё. Правый глаз стал видеть чуть лучше. Теперь я мог видеть очертания огромных букв, которые писал в своём блокноте.

Голова практически не работала.

Я не знал, какой сейчас день недели, да меня это уже и не волновало. Мне было всё равно. Я смирился со своей болью, состоянием. Это была моя новая норма.

Приезжала мать и привезла какое-то лекарство, которое непременно должно было помочь. Рассказывала, что ехала сюда на такси.

Я на время вышел из забытья и решил хоть чем-то помочь. У меня ведь есть деньги.

Из-за откровенно нищего детства я ненавидел выходить на улицу без наличных в кошельке. Ситуации могут быть совершенно разными, и эта привычка мне частенько помогала.

Я полез в сумку и открыл кошелёк — денег не было. Не в плане, что их было мало — там не было ни рубля. Ни одной

банкноты. Кто-то меня обокрал. Когда? Кто? У меня не было сил выяснять.

Наступили будние дни, и родственники больше не могли со мной ночевать. Им нужно было ходить на работу.

В одну из таких ночей ко мне явилась очередная медсестра с капельницей. Я уже смирился с тем, что в вену они попадали лишь со второго-третьего раза, и терпеливо ждал.

Первая неудачная попытка, вторая. Медсестра говорит мне подать другую руку — пожалуйста. Ещё один укол и опять мимо.

Что ж, сегодняшняя ночь не очень для меня удачная.

Медсестра, ничего не говоря, вышла и через какое-то время вернулась с медбратом. Молодой парень попытался вставить иглу и снова мимо. Я мысленно считал: шестая попытка, седьмая...

Я уже откровенно не верил, что у них получится. Мне уже было всё равно. Боль была привычным спутником. Лишние пару уколов ничего кардинально для меня не меняли.

На седьмой попытке оба молодых сотрудника вышли и вернулись минут через пятнадцать с медсестрой из другого отделения. Женщине было за сорок, и она быстро ввела иглу куда нужно.

— Что вы сделали с его руками? — обвиняюще спросила она у застывших у стены коллег и быстро удалилась.

Это был первый момент, который заставил меня задумать-

ся: может, дело не во мне? Может, происходящее со мной — это ошибка врачей?

Наступило очередное утро, и заглянувшая ко мне медсестра сказала, что мне нужно явиться на осмотр в шестой кабинет. Я взял свой блокнот и осторожно вышел в коридор. Нужно было держаться стен, чтобы не упасть.

Кабинет располагался рядом с общей палатой, где я лежал ранее, и я нашёл его быстро. Оказывается, сегодня тут собралось почти всё отделение. Сидячих мест не было, и я примостился плечом у стены. Я был слишком медленным и добрался сюда самым последним. В коридоре передо мной было несколько десятков пациентов.

В голове почему-то возник образ из прошлого — отремонтированный коридор частного медицинского центра, отсутствие очередей, диванчики у каждой двери...

Тут всё было иначе. Люди проходили мимо, кто-то смеялся, кто-то говорил по телефону. Для них это был обычный день. Для меня — ад, который никак не заканчивался.

Я не помню, сколько дожидался своей очереди. Помню лишь, что от напряжения у меня начала кружиться голова и начал бить озноб.

Наконец я вошёл в дверь. Заведующая сидела на стуле и спокойно указала рукой на стул напротив. Ещё несколько человек в белых халатах наблюдали, как я с видимым облегчением наконец сажусь. В голове стучала кровь, и я чувствовал

себя откровенно плохо.

Но одна мысль грела меня внутри: ничего, сейчас они точно всё увидят и начнут мне помогать.

Осмотр занял немного времени. Я с усилием, преодолевая боль в челюсти, открыл рот, и врач меня осмотрела.

— Всё хорошо. По ЛОР-направлению вопросов нет, — резюмировала она, и я начал внутренне паниковать.

Отчаянно жестикулируя, я стал пытаться указать на челюсть, горло, глаза. Я накорябал на листе бумаги слово «челюсть» и показал ей.

Та прореагировала холодно:

— Это неврология. Вы просто слишком нежный пациент. Готовим бумаги на выписку.

Я был в откровенном шоке. Нежный? Неврология? Что это для меня значит? Меня выпишут в таком состоянии? Я с момента операции не спал, был очень слаб и практически не видел.

Что мне делать дальше? Идти на работу? Но я ведь даже не мог прочесть сообщение на телефоне. Как я мог вернуться к своей работе программиста?

Меня выставили в коридор, и я поплёлся назад. Нужно было сообщить родственникам, что меня выписывают, но я не знал как. Позвонить я не мог, отправить сообщение — тоже. Сам домой я бы никогда не добрался. Даже такси бы не вызвал самостоятельно.

К вечеру того же дня меня навестили сразу двое: и мать,

и жена. Не потому, что договаривались, а так просто совпало. Я видел, что между родителями и женой зреет конфликт. Она была уверена, что отец с матерью отталкивают её от меня.

Мне же было так плохо, что я не мог никак улаживать этот конфликт.

Мне удалось донести до матери и жены новость — меня выписывают. Обе выглядели опешившими.

Для меня же всё было однозначно — отсюда нужно выбираться как можно быстрее. Проблемы с моим здоровьем тут не замечали. По зрению и вовсе прямо говорили, что лечить им не позволяет отсутствие необходимой техники.

Я терял время. Антибиотики я мог принимать в любом другом месте. Кто знает, что будет, стань я медлить? Может, ничего страшного, а может, я уже не смогу видеть левым глазом?

Мысль о том, что я могу остаться таким — полуслепым, немым инвалидом — была страшнее любой боли. Именно этот страх заставил меня принять решение.

Нужно было отсюда бежать...

Глава 9 — Бумажная медицина (Отец)

К пятому дню после операции наметилось некоторое физическое улучшение. Сын стал немного увереннее передвигаться по палате. Он уже мог сам дойти до туалета, умыться, как-то минимально обслужить себя. На этом, к сожалению, все так называемые «улучшения» заканчивались.

Главная проблема — тяжелейший бульбарный синдром — никуда не ушла. Он сохранялся в полной мере и проявлялся пугающе ярко. Речь была нарушена настолько, что понять его было почти невозможно. При каждой попытке принять пищу или даже просто сглотнуть слюну он поперхивался и задыхался. Асимметрия лица бросалась в глаза: левый угол рта безвольно провисал. Когда он пытался что-то сказать, язык предательски девиировал — отклонялся влево.

Как врач, я прекрасно понимал, на что смотрю. Это был классический парез языкоглоточного и блуждающего нервов. И это лишь малая часть того неврологического дефицита, который я видел невооруженным глазом.

Однако заведующая отделением с пугающим упорством продолжала утверждать, что сыну «становится лучше».

Примерно через семь дней после операции я поймал её в коридоре, чтобы поговорить вновь. Каково же было мое

удивление, когда в разговоре выяснилось, что она уже всю готовит сына к выписке!

Я был ошарашен. Я просто не мог поверить своим ушам. Как можно готовить к выписке пациента в таком состоянии? На мой прямой и возмущенный вопрос она невозмутимо заявила:

— По протоколу такой профиль больных после тонзиллэктомии выписывается через пять-семь дней домой.

Она смотрела на меня не как на коллегу, не как на отца тяжелого пациента, а как на назойливого посетителя, который посмел нарушить её идеальный график. Её холёный вид, тщательно наложенная косметика, укладка — всё это смотрелось дико и неуместно здесь, в отделении.

Как это так?! У сына постоянно идут кровяные выделения изо рта, он физически не может глотать, не может говорить, у него явные нарушения зрения, он не способен пережевывать пищу и даже не может нормально спать из-за угрозы удушья! О какой выписке может идти речь?

На все мои доводы врач холодно ответила, что конкретно с ее стороны, по ее профилю, отмечается улучшение состояния. А лечение всей остальной, как она выразилась, «симптоматики» должно проводиться у других специалистов: невролога, окулиста и челюстно-лицевого хирурга.

Я сам врач-психиатр с сорокапятилетним стажем. Всю свою жизнь я проводил лечение, ориентируясь на реальное физическое и психическое состояние больного на текущий

момент. Нас учили лечить человека, а не слепо следовать бумажке. Нас учили лечить болезнь, а не выписывать по протоколу.

— Оставьте его для дальнейшего лечения в стационаре!
— потребовал я, чувствуя, как от возмущения начинает дрожать голос.

— Лечение должно проводиться специалистами другого профиля, — отрезала она, словно заученную фразу.

Меня это откровенно возмутило.

— Вся вышеперечисленная симптоматика возникла во время проведения оперативного вмешательства в вашем отделении! — я уже не скрывал гнева. — Он пришел сюда на своих ногах, относительно здоровым человеком, а выписывается инвалидизированным!

— Выписка состоится всё равно, — ее голос оставался ледяным и непреклонным.

— Но в поликлинике по месту жительства даже нет ЛОР-врача... — я попытался воззвать к остаткам ее здравого смысла.

— Ничего страшного, там есть терапевт.

На это мне просто нечего было ответить. Я стоял и смотрел на нее, чувствуя полное бессилие. Какой терапевт?! Что врач общей практики сможет сделать с тяжелейшим неврологическим дефицитом, вывихом челюсти и бульбарным синдромом?!

Заведующая развернулась и пошла по коридору, бросив

напоследок через плечо, что у нее скоро операция и ей некогда со мной разговаривать.

Я смотрел ей вслед. Полная безответственность и абсолютное безразличие. Ей было глубоко плевать на моего сына.

Глава 10 — Выписка (Автор)

Пятница, 04.05.2018.

Утро выдалось сумбурным. По моей настоятельной просьбе, написанной корявыми буквами в блокноте, родственники записали меня к ЛОР-врачу в частную клинику прямо на сегодня. Я понимал: здесь мне не помогут, а время работало против меня.

Я сидел у сестринского поста и ждал. Минуты тянулись вязко, как та слюна, которую я не мог сглотнуть. До приема оставалось меньше часа, а мой выписной эпикриз всё ещё не был подписан. Я нервничал, ёрзал на стуле. Наконец, медсестра, даже не взглянув на меня, протянула стопку бумаг.

Врачей я больше не видел. Никто моей судьбой не интересовался. Курс антибиотиков прокололи, галочку поставили — на этом их миссия была завершена. Теперь я был предоставлен самому себе.

Мы с матерью вышли из тяжелых дверей больницы, и я ослеп второй раз — теперь уже от солнца. Я удивился перемене. В руках я сжимал теплую куртку, в которой сюда ложился. Тогда было серо и промозгло. Сегодня она была не нужна. Мир взорвался красками: было солнечно, около 30 градусов тепла. Я пропустил весну. Я вышел сразу в душное

лето.

Такси долго не приезжало. Я стоял, опираясь на руку матери, и чувствовал, как пот течет по спине. Когда машина наконец прибыла, оказалось, что в ней не работает кондиционер. Салон был раскален.

Я сидел у окна и тяжело, с хрипом дышал, высунув язык, как старый, умирающий пёс. Город за окном жил своей жизнью: люди спешили на обед, смеялись, говорили по телефону. Вокруг кипела жизнь, яркая, шумная, и всем в этом потоке было плевать на мои проблемы. Я был за стеклом, отделённый от них не только дверью машины, но и стеной своей боли.

Спустя двадцать минут мы с матерью вошли в кабинет частного центра. Здесь было прохладно и тихо. Мне нужен был кто-то, чтобы говорить за меня, рассказывать о моих симптомах и жалобах, поэтому мать зашла со мной.

Врач — мужчина лет тридцати пяти — взял в руки мой больничный эпикриз. Он читал молча, хмурясь. Бумага была скупа на информацию: «...гипертонический криз, купирован. Артериальная гипертензия I степени, риск 2. Гиперхолестеринемия. Дистрофия сетчатки левого глаза. Гипертоническая ангиопатия сетчатки...».

В какой-то момент врач начал читать текст вслух, и я не верил своим ушам:

— ...общее состояние удовлетворительное. Сознание яс-

ное. Состояние психики спокойное. Лимфоузлы не увеличены...

Он прервался, поднял глаза и посмотрел на меня с искренним непониманием:

— Я вижу, что вам нужно к офтальмологу. У вас проблемы с глазами. Зачем вам я?

Я сидел и от возмущения начал задыхаться в кашле. Воздух со свистом вырывался из горла. «Удовлетворительное состояние»? Да, эта бумага не упоминала ничего про моё нерабочее горло. Про невозможность глотать, спать, говорить и даже лежать. Про нерабочий язык и постоянное онемение в левой части лица. На бумаге я был почти здоров. Они просто стёрли это из истории, как будто этого не было.

Ни слова про вывих челюсти. Ни слова про бульбарный синдром. В какой-то момент мне стало страшно: может, это я сошёл с ума? Если в документе написано «здоров», а мне плохо, значит, моё тело врёт?

Врач начал осматривать мне горло, пока моя мать сбивчиво, путаясь в терминах, перечисляла мои жалобы. Похоже, что он нам не особо верил. Эпикриз с печатью государственной больницы для него значил больше, чем жалобы матери мычащего пациента перед ним.

04.05.2018 09:37

Заключительный осмотр совместно с зав. отделением

Объективный статус

Общее состояние удовлетворительное. Сознание ясное. Состояние психики спокойное. Суицидальных мыслей не высказывает. Телосложение правильное. Умеренная гиперимия кожи лица параорбитальной области. Гиперимия конъюнктив Лимфоузлы не увеличены. Костно-мышечная система без отклонений от нормы.

Тела 36,7 град. Ве: 115 кг. Рост 192 см.

Органы кровообращения: Ps 76 уд/мин, АД 130/90 мм.рт.ст. Границы сердца не расширены. Тоны сердца ясные, ритмичные.

Органы дыхания: ЧД 17 в минуту. Одышки нет. Перкуторно звук ясный легочной. Дыхание везикулярное. Хрипов нет.

Локальный статус:

Отоскопия: ADVAS - наружные слуховые проходы широкие, чистые, барабанные перепонки серые

Риноскопия: слизистая оболочка розовая, носовая перегородка на средней линии, носовые ходы чистые.

Фарингоскопия: небные дужки умеренно гиперемированы, тонзиллярные ниши выполнены фибрином, эпителизируются. Задняя стенка чистая, признаков кровотечения нет.

Рекомендации

Динамическое наблюдение ЛОР-врача поликлиники по месту жительства

Избегать переохлаждений, физический нагрузок, щадящая диета;

— Пока что я точно наблюдаю типичную послеоперационную картину, — наконец заключил он, снимая перчатки. — Я пропишу антибиотики в таблетках, принимайте и приходите через неделю...

Я вышел из кабинета растерянный. Что мне делать? Это уже был второй курс антибиотиков, который мне назначили. Нужно просто ждать? И что мне сейчас делать? Идти на работу? Но я ведь полностью раздавлен. Я не спал больше недели. Мне было больно каждую секунду существования.

Дома было тихо, но эта тишина не принесла облегчения. Скорее наоборот — я чувствовал себя ещё более одиноким, чем в больнице. Здесь всё было нормальным, кроме меня. Мои вещи лежали на своих местах, как до операции, но я сам стал другим. Я этой жизни уже не соответствовал.

Я зашёл в ванную и взглянул в зеркало. Из стекла на меня смотрел чужой человек. Рот был перекошен, левый угол ви-

сел, и из него сочилась слюна, которую я не чувствовал из-за онемения. Я видел перед собой не себя, а измождённого, больного старика.

Я попытался проглотить таблетку антибиотика, которую мать купила по рецепту в аптеке. И не смог. Она была большая, овальная, и моё нёбо так и оставалось безжизненным куском плоти. Таблетка прилипла где-то в глотке, вызывая рвотный рефлекс, который я не мог контролировать. Я с трудом, давясь слезами и слюной, выплюнул её.

Пришлось думать. Самым простым мне казалось растворить её в воде. Я раздробил таблетку в ложке, размешал в стакане. Жидкость была невыносимо горькой. Из-за нарушения вкуса эта горечь казалась химической, ядовитой, выворачивающей наизнанку. Но я выпил.

Была пятница. В понедельник мне предстоял визит к врачу в поликлинику по месту жительства. Это была моя последняя возможность что-то кому-то объяснить. Моя последняя надежда.

Выходные прошли тяжело. Мне удалось несколько часов поспать сидя, обложившись подушками, но общее состояние не улучшилось.

Организм по привычке попытался зевнуть. Челюсть дернулась, и меня пронзила такая острая боль, что из глаз брызнули слёзы.

Жена миксером измельчала еду. Она делала это с каменным лицом, скрывая страх. В тишине квартиры это жужжа-

ние разносилось как сирена тревоги. Этот звук означал одно: время кормёжки. Она превращала суп и мясо в однородную бурую массу, а я пытался засунуть в себя эту кашицу, чувствуя себя беспомощным младенцем.

Челюсть болела безбожно. Каждый, даже самый осторожный укус или глоток будто взрывался в левой щеке раскалённой спицей, отдавая в висок и ухо.

Мне было тяжело, но я видел, что всем вокруг было тоже сложно. Я был слишком шумным со своим кашлем и хрипами, мешал спать, требовал много внимания. Я стал обузой. И самое страшное — я не знал, как мне вылечиться самому.

Глава 11 — Отправлен дальше (Автор)

Понедельник, 07.05.2018.

Сегодня был последний день, когда я смогу что-то объяснить. Моя последняя соломинка. Сегодня нужно постараться.

Мы с женой сидели в душном коридоре поликлиники №14, ожидая своей очереди. Оля отпросилась с работы, чтобы меня сопровождать. Я был не в состоянии сделать это один. Талона взять не получилось — в регистратуре нас отправили к кабинету терапевта, так как «ЛОР-врач не принимал».

Что значит «не принимает»? Эта мысль билась в воспалённом мозгу. Мы сейчас в столице, в одном из старейших районов города. Если тут нет профильного врача, то что говорить о жителях городов поменьше? Как терапевт — врач общей практики — сможет мне помочь, если не справились специализированная больница и частный медицинский центр?

Людей было много — весь коридор заполнили те, кто сегодня закрывал больничный. Воздух был спёртым, тяжёлым. Люди ругались, спорили. Кто-то пытался пройти раньше,

бросая сакраментальное «мне только спросить», кто-то использовал другие уловки. Очередь жила своей агрессивной, нервной жизнью. Где-то в конце коридора надрывно плакал ребёнок. Откуда во взрослой поликлинике дети? Для меня этот звук был не просто шумом — он ввинчивался в ухо раскалённым саморезом, резонируя с пульсацией в виске. Мой телефон звонил раз за разом — коллеги сегодня были особо активны и пытались со мной связаться. Я попросил жену позвонить одному из владельцев нашей компании и предупредить, что задержусь на больничном, но, похоже, остальные пытались узнать о моём состоянии из первых уст. Я не поднимал. Я не смог бы поддерживать разговор.

У меня не было сил ругаться и что-то доказывать. Я сидел, изнывая от жары, привалившись к крашеной стене, и просто ждал. В мозгу вдруг всплыло воспоминание: я, ещё здоровый, сижу у кабинета врача в частном центре и вспоминаю, как люди мучаются в очередях государственных поликлиник в попытке найти лечение, за справкой или просто чтобы закрыть больничный. Тогда мне казалось, что мне это не грозит.

Теперь я сам был тут. Среди этих людей. И я был самым слабым звеном этой пищевой цепи.

Спустя два часа ожидания мы наконец зашли. Я без приглашения тяжело опустился, почти упал на стул, стоящий прямо у врачебного стола. Ноги меня не держали. Жена неуверенно топталась сзади. Никто не ждал, что посетителей

будет двое — второго стула не было, и ей некуда было сесть. Она так и осталась стоять за моим плечом.

Врач, женщина средних лет с русыми волосами, с интересом уставилась на нас. Не каждый день тридцатилетний мужик приходит с сопровождающими, как ребёнок или глубокий старик.

Я попытался что-то объяснить, но моя речь была невнятной кашей. Я открывал рот, но оттуда вылетали лишь шипящие, булькающие звуки. Я сам понимал, насколько жалко и нелепо звучат попытки донести через этот набор искажённых звуков суть моей боли. Я видел в глазах врача жалость. Я чувствовал, как краснею. Жар стыда заливал лицо. Здоровый лоб, который мычит, пуская слюну. Я хотел исчезнуть, раствориться на этом казённом стуле.

Я замолчал, опустив голову.

Врач отнеслась к нам с пониманием, перестала мучить меня и начала задавать уточняющие вопросы Оле. Моя жена стала моим голосом.

— В поликлинике ЛОР-врача нет, поэтому всех отправляют ко мне, — вздохнула врач, просматривая бумаги. — Если вы знаете, чем я могу вам помочь, то спрашивайте. А пока я могу лишь отправить вас в больницу, в диагностический кабинет...

Я, кажется, застонал вслух. Опять больница. Я представил, как снова приезжаю в 4-ю больницу, прохожу через этот ад приёмного покоя и попадаю на осмотр к моему хирургу —

к заведующей. Улыбочка и заявление, что «всё нормально», — это всё, что я от неё ожидал. Я не выдержу этого снова.

— Я выпишу направление в диагностический ЛОР-кабинет 11-й больницы, — сказала терапевт, заполняя бланк. — И продлю больничный ещё на пять дней. Больше я дать не могу.

В 11-ю. Не в 4-ю. Это было единственным хорошим событием за день. Может, там врачи мне помогут?

Терапевт видела, как мне плохо, но это был не её профиль. Не считая глаз, по документам я был абсолютно здоров. У неё не было оснований не верить больничному эпикризу. Бумага вновь победила человека.

Мы вышли из кабинета, и я был полностью раздавлен. Долгое ожидание, боль и усталость тяжкой ношей упали мне на плечи. Я планировал сегодня же съездить к офтальмологу, но у меня банально не осталось сил. Ресурс батарейки иссяк.

Меня шатало, мир плыл перед глазами. Кроме этого, начала раскалываться голова. Правый глаз видел уже неплохо — я даже мог им читать, если постараюсь, а вот левый оставался полностью кроваво-мутным. Картинка не складывалась. Из-за этого, как мне потом объяснили, меня и мучили головные боли. Мозг пытался перестраиваться, адаптироваться, сводить два несовместимых изображения в одно, и перегревался от натуги.

— Домой, — прохрипел я жене.

Завтра. Всё завтра...

Глава 12 — Последняя надежда (Автор)

Вторник, 08.05.2018.

На сегодня у меня было много планов. Впереди маячил праздник 9 Мая, а значит, у меня в запасе оставалось лишь три рабочих дня, чтобы попасть к ЛОР-врачу и к окулисту. Времени до выхода на работу оставалось всё меньше, нужно было спешить. Я чувствовал себя загнанным зверем, которого обложили со всех сторон: боль, время, непонимание.

С утра мне пришлось сделать выбор, что важнее, и я выбрал ЛОР-врача. Одного глаза пока было достаточно, чтобы ориентироваться в пространстве, а вот горло и челюсть превращали жизнь в пытку.

Сегодня никто меня не сопровождал. Родственники уже не могли отпрашиваться с работы. Лимит их участия был исчерпан.

Я понимал, что начинаю отходить для всех на второй план. Раз за разом сталкиваясь с отказами врачей, семья начинала верить, что, возможно, всё действительно «в порядке». Что врачам виднее. Может, я и правда такой «нежный», что просто должен перетерпеть? А может, мне нужно просто принять моё новое состояние как данность? Смириться

с тем, что теперь я такой — мычащий инвалид?

С этими тяжёлыми мыслями я ехал на такси в 11-ю больницу, которая располагалась на другом конце города. Я раньше никогда там не был, поэтому вид старого здания советской постройки меня не обрадовал. Обшарпанные стены, запах хлорки и безысходности — всё как везде в бесплатной медицине.

Я с трудом нашёл нужный кабинет, блуждая по запутанным коридорам, и уселся ждать своей очереди. Людей было немного — человека три. Принимали быстро, конвейер работал исправно, так что уже через полчаса я оказался в большом кабинете, где располагались несколько кушеток, столов и кресел для осмотра.

Трое медицинских работников — две женщины и мужчина, каждому на вид было от тридцати до тридцати пяти лет — увлечённо разговаривали между собой и не обращали на меня внимания. Наконец мне удалось всучить свой выписной эпикриз молодой светловолосой женщине-врачу.

Она пробежала глазами текст документа и непонимающе уставилась на меня:

— Больно? Это пройдёт...

Я ужаснулся. Она даже не захотела меня осмотреть. Ей хватило бумажки. Нужно было привлечь её внимание любой ценой. Невнятная речь полилась из моего горла. Я пытался показать жестами на челюсть, рассказать о боли, но это было больше похоже на звуки дикого, раненого животного, а не на

жалобы пациента.

Врач поморщилась, но всё же махнула мне на смотровое кресло и попросила открыть рот.

Открывать было больно, но я терпел, сжимая подлокотники кресла до побеления пальцев. Наконец она закончила осмотр, и я снова начал жестикулировать, изображая боль в челюсти. Потом пытался объяснить, что не могу глотать, спать, лежать.

Она меня перебила и начала вслух читать строчки из эпикриза, словно заклинание, которое должно было меня исцелить. Затем сказала тоном, не терпящим возражений:

— Не понимаю, зачем вас к нам отправили. Это послеоперационное. Боли могут сохраняться продолжительное время. После операции должна пройти хотя бы неделя...

Я сидел и думал, как ей объяснить, что уже прошло больше десяти дней, а лучше мне не становилось. Если не считать правого глаза, который начал видеть, всё было так же плохо, как в первый день после реанимации. Но она не слушала. Она видела перед собой бумагу, а не человека.

Пока я ошарашенно смотрел в окно, пытаюсь переварить услышанное, двое других медработников встали со своих мест и вышли, весело разговаривая о чём-то своём. О погоде, о планах на выходные. Жизнь шла своим черёдом.

— Ладно, мне нужно идти, — женщина приподнялась со своего стула, всем видом намекая, что моё время вышло. Приём окончен.

Я забрал со стола свои бумаги и направился к выходу. Ноги были ватными. Всё. Последняя возможность объясниться закончилась ничем.

Никто из них не понял, не увидел ничего странного. Болит? Пускай болит. Остальные жалобы они оставили без внимания, а может, просто не поняли, о чём я мычал. Для них я был просто очередным нытиком с низким болевым порогом.

Я сел в пустом коридоре и стал думать, что мне делать дальше. Врач вышла за мной, закрыла дверь на ключ и ушла по коридору, цокая каблуками.

Я хотел закричать. Ударить кулаком в эту обшарпанную дверь. Заорать на всю больницу: «Помогите мне! Я здесь! Мне нужна помощь!» Чтобы они услышали, чтобы перестали заниматься собой и увидели меня. Но я не мог. Вместо яростного рёва из груди вырвался лишь жалкий, булькающий хрип, похожий на смешок сумасшедшего.

Я просидел так минут десять, просто глядя перед собой в пустоту. Внутри была такая же пустота. Затем встрепнулся — нужно было съездить ещё и к офтальмологу. Мой телефон зазвонил, и я, задумавшись, машинально поднял трубку.

— Привет, дорогой, ты как? — голос моего коллеги, Георгия, показался мне слишком весёлым, слишком живым. Он был из другого мира.

Я попытался ответить, но он меня не понял.

— Что? Алло? Связь плохая? — начал он переспрашивать.

Он задавал вопросы, пытался угадывать, что значат мои ответы, превращая разговор в унижительную игру «Угадай мелодию».

Я не выдержал и просто нажал отбой.

Ладно, просто сидеть на месте было бессмысленно. Нужно ехать. Может, с офтальмологом мне повезёт больше.

Я снова вызвал такси, порадовавшись, что для этого достаточно просто нажать кнопки в мобильном приложении и не нужно ни с кем говорить. Технологии были милосерднее людей.

На офтальмолога у меня были возложены большие надежды. Её мне советовали как хирурга с огромным опытом. Она принимала платно, но я бы отдал любые деньги, лишь бы вернуть способность нормально видеть.

Женщина была уже в возрасте, с внимательными, умными глазами. Она осматривала меня долго и тщательно, светя в глаза разными приборами. Её руки были тёплыми и сухими. Она касалась моего лица осторожно, словно я был сделан из стекла. Не брезговала, не торопилась. И подтвердила обширное кровоизлияние в оба глаза.

Закончив, она отстранилась, сняла очки и тяжело вздохнула:

— Как тебе, мальчик, повезло. Если бы такое кровоизлияние произошло ещё и в мозг, то ты бы не выжил...

В кабинете повисла тишина. Я вдруг отчётливо услышал, как тикают часы на стене. Каждая секунда. Тик-так. Я думал,

что просто пытаюсь восстановиться после операции, а оказалось — я играл в русскую рулетку, где патрон застрял в стволе в последний момент. Холодный пот потёк по спине. Я был на волосок от того, чтобы стать просто фотографией в чёрной рамке для жены и моих родителей.

Она уделила мне целых полчаса. Назначила лечение. Рассказала про подобные случаи из своей практики и, самое главное, — дала надежду, что левый глаз восстановится. Что зрение вернётся.

Я вышел от неё с рецептом в руках. Хотя где-то меня услышали. Хотя кто-то увидел проблему.

Может, я буду видеть, а остальное... Не знаю. Может, нужно просто привыкать к моему новому состоянию? Я ведь перепробовал всё — врача частного центра, поликлинику, больницу... Везде стена. Может, этой стены и нет, и я сам её придумал?

Глава 13 — Когда стало ясно, что так нельзя (Автор)

Пятница, 11.05.2018.

Я ждал, что станет лучше. Мне это обещали несколько врачей. «Нужно подождать», — говорили они. «Всё пройдёт», — говорили они. Но становилось лишь хуже.

Я сидел, прислонившись к спинке кровати, и методично вытирал вытекающую изо рта слюну марлевой салфеткой. Это стало моим основным занятием. Лёжа я всё так же задышался от разъедающего горло желудочного сока, который, казалось, жил своей собственной жизнью. Но сегодня к привычной боли добавилось что-то новое — тревожное и пугающее. Левая часть лица ещё больше потеряла чувствительность, стала чужой, словно маска из папье-маше, а язык предательски начал отклоняться в сторону.

Прошло две недели с момента операции. Две недели ада, которые должны были стать временем восстановления. А я чувствовал себя всё так же плохо, если не хуже. Единственным светлым пятном, буквально, стали назначения офтальмолога. Мой левый глаз начал улавливать размытый свет, вырываясь из полной тьмы. Правый же восстановился достаточно, чтобы я мог с трудом, щурясь, написать сообщение в

телефоне.

Это была моя ниточка связи с миром. Я написал отцу. Он сам был врачом-психиатром, но сейчас он был просто отцом. Я описал ему симптомы: щека онемела ещё сильнее, язык не слушается, лицо перекосило. Отец был категоричен — мне нужно срочно искать невролога. Не ждать, не терпеть, а искать специалиста.

Но как? Сам я дозвониться никуда не смогу. Моё мычание в трубку никто не поймёт. В 2018 году заказать талон через интернет было почти невозможно. Я был заперт в своём теле, отрезан от помощи.

И я стал ждать. Ждать вечера, когда с работы придёт жена. Она станет моим голосом, моими руками.

Оказывается, попасть в пятницу вечером к неврологу в Минске — почти нереально. Жена, вернувшись с работы, сразу села на телефон. Она обзванивала больницы, платные отделения поликлиник, частные центры. Везде либо занято, либо «звоните в понедельник», либо «запись на следующий месяц». Я слушал её разговоры, сидя в своём углу, и чувствовал, как отчаяние подступает к горлу вместе с тошнотой.

Наконец, удача. Ближайшая запись была в медицинском центре «Нордин» на вторую половину дня субботы.

Что ж, и это неплохо. Особых надежд я не питал. Я просто должен был кому-то сказать о своих симптомах, зафиксировать их, убедиться, что это часть моей «нежной» реакции на операцию, как утверждали в 4-й больнице. Или услы-

шать хоть что-то новое.

Ночь прошла тяжело. Я ужасно хотел есть. Голод был не острым, а тянущим, изматывающим. И я хотел спать. Но ни то, ни другое мне не было доступно. Почему-то я мог нормально пить только соки и очень жидкую, перемолотую в пюре пищу. Неработающие мышцы глотки не позволяли глотать ничего, кроме жидкости. Почему желудочный сок попадает в горло, я тоже не знал. Наверное, что-то ещё было сломано внутри меня — в пищеводе или желудке. Механизм моего тела рассыпался на глазах.

Суббота.

Сегодня я чувствовал себя очень слабым — голова кружилась, мир плыл перед глазами, я был вялым, как тряпичная кукла. Жена буквально заводила меня под руку в двери медицинского центра. Я опирался на неё, чувствуя свою никчёмность. Мужчина, который должен быть опорой, сам висел на плече жены.

Она уточнила номер кабинета в регистратуре. На моё счастье, он оказался на первом этаже. Никуда не нужно было подниматься, не нужно было штурмовать лестницы, которые сейчас казались мне Эверестом. Я был этому искренне, по-детски рад.

Мы сели на мягкие кресла у нужного кабинета и стали ждать. Тут, в отличие от поликлиники, царили тишина и

прохлада. Мы должны были попасть на приём точно в назначенное время. Очереди не было. Никто не ругался, не пытался пролезть «только спросить».

Круг замкнулся. Когда-то я сидел у похожей двери с ангиной и думал, что простой операции будет достаточно, чтобы решить все мои проблемы. Я был полон планов, надежд. Теперь, спустя несколько месяцев, я чувствовал себя полностью опустошённым, немым, полуслепым, с постоянными болями в области челюсти и горла. Я был тенью того человека.

Дверь открылась, и пожилая врач пригласила меня войти. У неё были короткие тёмные волосы и доброе лицо. Она улыбалась дежурной улыбкой, но, уже собираясь вернуться к своему столу, резко изменилась в лице. Она увидела, как жена бросилась поднимать меня с кресла. Я пытался торопиться, двигаться быстрее, чтобы не задерживать, но всё равно был очень неуклюж и медлителен. Мои ноги заплетались.

В итоге жена вместе с врачом усадили меня на кушетку. Сам я говорить не мог. Я сидел, опустив голову, и слушал, как жена объясняет неврологу мои жалобы. Я не пытался что-то добавлять, не пытался мычать. Мне уже было всё равно. Я так устал. Просто смертельно устал вести эту борьбу с ветряными мельницами, доказывать, что мне больно.

Наконец врач начала осмотр. Она действовала профессионально. Задавала вопросы, просила двигать глазами в разных направлениях, открывать и закрывать рот, двигать язы-

ком. Проверяла чувствительность лица и тела иголкой, просила улыбнуться (что вышло жалкой гримасой), двигать ногами и руками, дотронуться до носа с открытыми и закрытыми глазами. Проверяла рефлексы молоточком, просила пройти по кабинету.

Я и сам уже понял во время этих тестов, что моя левая рука и нога намного слабее правых. Вся левая часть тела заметно потеряла чувствительность, словно онемела. Я был наполовину деревянным.

Врач ничего не комментировала, просто хмурилась и быстро делала записи в медицинской карте. Стук клавиш был единственным звуком в кабинете. Потом она извинилась, встала и сказала, что пригласит коллегу.

Я сидел и думал — зачем? Мне и так тяжело тут находиться. Дома я находил специальное полусидячее положение под 45 градусов, обкладывался подушками, и в этом коконе меня не так душил кашель и не так сильно жёг желудочный сок. Тут же, на жёсткой кушетке, мне было очень тяжело. Каждая минута тянулась вечность.

Почему они тянут? Просто назначьте мне какие-нибудь таблетки и скажите, через сколько я буду здоров. Наверное, опять прозвучит срок в неделю. Волшебная неделя без лечения, и я опять буду как раньше. Сам я в это уже не верил. Чудес не бывает.

Невролог вернулась ещё с одной женщиной, которая оказалась ЛОР-врачом.

Я без особого интереса смотрел сквозь вновь пришедшую, пока невролог диктовала ей свои наблюдения:

— ...смазанная речь, асимметрия лица, нарушение глотания, отклонение языка влево, онемение слева, слюнотечение, парез...

В какой-то момент я перестал слушать — врач продолжала сыпать терминами. Всё это было правдой, но разве это что-то меняет? Меня наблюдали уже несколько врачей, и ничего для меня не изменилось. Может быть, они сейчас назначат третий по счёту курс антибиотиков? Большого я не ждал.

Они говорили между собой, игнорируя меня и жену, словно мы были мебелью. Я же продолжал кашлять, изредка ловя части их тревожного диалога:

— ...поражение лицевого нерва, риск аспирации, бульбарный синдром, центральное поражение...

О чём они говорят? Зачем им это? Я ведь принёс им эпикриз из 4-й больницы, где чёрным по белому написано, что я, по мнению врачей, абсолютно здоров. А у офтальмолога я уже был.

Занятый своими мыслями, я не заметил, как обе женщины оставили нас в кабинете одних. Они вышли стремительно, о чём-то перешёптываясь. Где-то в коридоре кто-то из пациентов возмущался, что его время приёма давно наступило, а врачи заняты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.